

DOI 10.35775/PSI.2024.111.11.013

УДК 323

Н.Н. САМСОНОВА

кандидат политических наук, младший научный сотрудник
Лаборатории трансдисциплинарных исследований познания, языка
и социальных практик философского факультета, Томского государственного
университета, Россия, г. Томск; ассистент кафедры государственной политики,
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

E-mail: natalie.samsonova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-2716-8490>

ВЛИЯНИЕ ПРАКТИК ОТМЕНЫ НА ПРОЦЕСС РЕАБИЛИТАЦИИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ: АСИММЕТРИЯ ПАМЯТИ³

В статье исследуется влияние практик «отмены» на развитие инициированного с началом демонтажа советской государственности процесса реабилитации жертв политических репрессий. Культура отмены рассматривается в качестве механизма воздействия на коллективную память с помощью использования забвения как целенаправленной стратегии. Отмечается политизированный характер практик отмены в отношении памяти о советском прошлом. Выделяются такие особенности работы с памятью о политических репрессиях как затруднение артикуляции травматических переживаний, инструментализация травмы (политическое капитализирование), селективный характер памяти, проблема бессубъектности. Делается вывод, что для устранения сформировавшейся асимметрии памяти формальных инструментов (юридических механизмов) недостаточно. Преодоление исторической травмы как разрыва между испытываемым коллективным переживанием исторического события и его последствий, с одной стороны, и сконструированной репрезентацией данного переживания в публичном пространстве, с другой стороны, требует глубокой проработки не только исследования «продуктов проговаривания травмы», но и анализа социально-политического контекста, в котором данные сообщения были созданы.

Ключевые слова: культура отмены, коллективная память, историческая травма, историческая идентичность, реабилитация жертв политических репрессий, посттравматический нарратив

В общественных науках интерес к вопросам коллективной памяти как процессу осмысления и переосмысления событий прошлого под влиянием социально-политических условий и к политике исторической памяти как совокупности

³ **Благодарности:** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00465 // <https://rscf.ru/project/23-18-00465/>.

стратегий по обращению с коллективным прошлым остается неизменно высоким. В российских социально-политических науках одним из перспективных направлений исследования выступает изучение политики исторической памяти в первое десятилетие после распада СССР. Как замечает А.И. Миллер, политика памяти в первое десятилетие после распада СССР описана в научной литературе весьма немного, в то время как структурирование «проблемного поля политики памяти в 1990-е годы» может послужить «отправной точкой для конкретных исследований различных аспектов этой темы» [16. С. 13-14].

Рассматриваемый период, безусловно, обладает рядом уникальных характеристик, обуславливающих актуальность исследования. XX век, описанный множеством историков, как век потрясений, не стал исключением и для российского общества, испытавшего в течение ста лет две радикальные трансформации государственного устройства, социальной иерархии и системы ценностей. Амбивалентность последствий социальных перемен отмечается в исследованиях «аномии успеха» Э. Дюркгейма [8], анализе «общества риска» Э. Гидденса [6], теории аномии Р. Мертона [15], гипотезе социального лага и ценностного синдрома постмодерна Р. Инглхарта [10]. Идея социокультурной травмы как последствия социальных трансформаций, ведущих к эрозии идентичности, описана в трудах П. Штомпки [28]. О травматической утрате идентичности, сопровождаемой упадком культуры, пишет и Ф.Р. Анкерсмит [2].

Период советской государственности завершился, оставив непроработанными травматические последствия революционных событий 1917 г., гражданской войны, красного террора, раскулачивания, коллективизации, политических репрессий. Кроме того, и сам распад Советского Союза в 1991 г. стал травматическим событием для значительного числа граждан, повлекшим за собой социальную и политическую дезориентацию. Как отмечал П. Штомпка, основными характеристиками, определяющими травматический потенциал события, являются скорость и непредсказуемость его наступления (1); глубина и радикальность (2); экзогенность (травматическое событие воспринимается как нечто пришедшее извне, навязанное, произошедшее без инициативы и доброй воли пострадавшего) (3); негативная коннотация (4) Исследуя этиологию культурной травмы, ученый отмечает, что травма может возникнуть как результат столкновения нового образа жизни с прежними, устоявшимися традиционными моделями поведения и восприятия [28]. В этой связи новая политическая элита столкнулась с необходимостью проработки как унаследованных, так и приобретенных в результате социальных изменений коллективных травм. Вопрос, были ли (и если да, то каким образом?) данные вызовы интегрированы в государственную политику новой страны, представляет существенный научный интерес.

Строительство новой государственности невозможно без формирования оснований идентичности. Процесс идентификации, безусловно, сопряжен с полем коллективного памятования. В этой связи, как отмечает Ф.В. Николаи, «прагматическое соотнесение культурной памяти и национальной идентичности <...> получает все большее распространение в российских и западных

исследованиях» [18]. Примером могут послужить труды А. Ассман, посвященные процессу конструирования воспоминаний [4], исследования взаимосвязи исторической памяти и национальной идентичности Л.П. Репиной [20], концепция пригодных воспоминаний О.Ю. Малиновой [13] и другие фундаментальные работы российских и зарубежных исследователей. Еще в 70-х гг. XX века мемориальный бум привлек внимание исследователей к изучению культурной памяти, прежде всего, как средства конструирования социальной идентичности [17].

Л.П. Репина полагает, что положенное в основу любого историописания историческое сознание объединяет «прошлое с настоящим, проецируемым в будущее» [19. С. 479], что позволяет характеризовать коллективную память как процесс, а не статичный нарратив, присущий конкретному периоду времени. Ж.Т. Тощенко подчеркивает, что память является «выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства» [26. С. 4]. Подобный подход дает возможность говорить, в первую очередь, не о «трансформациях» коллективной памяти как структурированного набора символически значимых образов, а об изменении контура самовосприятия коллективной общности посредством процесса памятования.

На основе анализа широкого спектра научных трудов в данной области можно выделить несколько групп исследований, посвященных проблематике российской политики исторической памяти 1990-х гг. Первая группа направлена на изучение официальных исторических нарративов. Так, О.Ю. Малинова исследует изменения исторических нарративов как элемента политики идентичности, изучает проблематику «политически пригодных событий» и специфику процесса формирования мифа российской государственности [13; 14]. Вторая группа научных трудов посвящена структурно-функциональному анализу поля исторической памяти. В частности, исследования А.И. Миллера обращены к изучению ключевых акторов политики памяти, в том числе и негосударственных институтов (экспертных сообществ, правозащитных организаций) [16]. Отдельную группу исследований составляют работы, посвященные системному анализу ключевых стратегий обращения с образами советского прошлого, выполненные Н.П. Копосовым [12], Н. Эппле [30], Д.А. Аникиным и Р.А. Батищевым [3] и др. Анализируя ключевые положения проведенных исследований, можно сделать вывод об использовании практик культуры отмены и рецепции западного опыта обращения с коллективной памятью, построенного на переходе от сакрифицированных (героических) к жертвенным (виктимизированным) формам памяти. В то время как героическая память (например, память о воинской доблести) кодируется героической национальной символикой, жертва, «объект радикального асимметричного насилия», нуждается в иных выразительных единицах, использование ее образа в политическом дискурсе требует иных символов [4. С. 76]. В этой связи представляется значимым исследовать практик «канселинга» на течение инициированного с началом демонтажа советской государственности процесса реабилитации жертв политических репрессий.

«Культура отмены» концептуализируется рядом западных ученых как явление, сопряженное с ростом фокуса общественного внимания на вопросах справедливости и нравственности. М. Кларк характеризует «культуру отмены» как социальное явление, в основе которого лежат морально-этические вопросы [31]. Дж. Хайдт и г. Лукианофф связывают «культуру отмены» с трансформацией общественного сознания и возникновением парадигмы «безопасности» («safetism»), в рамках которой идея защищенности, включающей в себя «эмоциональную безопасность», становится приоритетной в системе культурных ценностей [32]. В противовес идее морально-этических оснований «культуры отмены» как социального явления отечественные исследователи, в частности, К.Е. Коктыш и А.В. Ренард-Коктыш, подчеркивают характерное для явления «отмены» отсутствие критериев добра и зла, возможность вычеркнуть из информационного оборота любые массивы знаний, определение истины в зависимости от конъюнктуры [11. С. 29].

Концептуализируя понятие «культура отмены», многие современные ученые, как зарубежные, так и отечественные, подчеркивают его политизированность и инструментальный характер. Л.Р. Рустамова и А.К. Адрианов обращаются к исследованию «культуры отмены» в международных отношениях с использованием понятие «общественное мнение» и концепции «спирали молчания» Э. Нозль-Нойман [21. С. 41]. О.Г. Щенина интерпретирует культуру отмены как социальную технологию, применяемую в политической сфере [29]. Е.В. Хлышева также отмечает, что культура отмены выступает специфическим инструментом политических элит [27]. О.В. Головашина рассматривает «культуру отмены» как «одну из практик контроля дискурса, реализуемую через запрет» [7. С. 44]. Л.В. Дериглазова и А.М. Погорельская, исследуя особенности культуры отмены в политической сфере, отмечают, что она может представлять собой «пример действия формальных политических институтов, обладающих властью» [9. С. 26].

Необходимо отметить, что объектом «отмены» могут выступать не только отдельные личности и группы, но и символические конструкции. В.Н. Сыров указывает, что практики «канселинга» могут быть направлены на изменение оценки значимости (в первую очередь, в общественном сознании) различных культурных объектов [7. С. 12]. В этом понимании категория «культура отмены» может быть тесно связано с политикой исторической памяти, когда государство ставит своей задачей формирование новой идентичности и своего образа путем новой интерпретации исторических образов прошлого Е.В. Беляева и А.А. Линченко отмечают, что «культура отмены» как способ переоценки ценностей может «развертываться как публичная практика обращения с историей и состоит в пересмотре значения событий прошлого на основании критериев современного общества» [5. С. 301]. Механизм влияния «культуры отмены» на идентичность общества в данном случае можно описать следующим образом: некое значительное событие интерпретируется как абсолютно несоответствующее ключевым ценностям, основам идентичности, коллективной гордости,

вызывая тем самым культурную и политическую дезориентацию общности. Причиной подобных изменений может послужить раскрытие и обнародование фактов, новых доказательств, выставяющих исторические события или личности в радикально ином свете. При этом речь не идет о фактах безусловной достоверности: практики «отмены» как политического механизма могут быть основаны на исторических фальсификациях и квази-репрезентациях прошлого.

К числу исторических фактов прошлого, получивших широкий общественный резонанс в начале 90-х гг., относятся политические репрессии советского периода. Принципиально новым началом в понимании травматических событий советского прошлого в 90е годы стало законодательное признание факта политических репрессий не только в сталинское, но и «досталинское» и «после-сталинское» время, что привело к изменению типа ответственности за травму с персонифицированной на коллективную.

Историческая травма представляет собой рассогласование между испытываемым коллективным переживанием исторического события, с одной стороны, и сконструированной репрезентацией данного переживания, возникшей в результате либо отсутствия условий для его артикуляции, либо некорректной расшифровки (интерпретации) данного переживания, с другой стороны. В этой связи универсальная теоретическая модель работы с травмой требует, во-первых, деконструкции травматического свидетельства, во-вторых, «перевода» травматического переживания в адаптивные образы, обеспечивающие символическое единство аудитории-носителя травмы и более широкой периферийной аудитории [22].

С позиций психоанализа артикуляция травматических переживаний выступает одним из основных механизмов преодоления исторической травмы, а условием детравматизации выступает упорядоченная организация памяти о прошлом, включающая в себя приемы пространственной и временной локализации. При этом одной из ключевых характеристик травматического опыта является проблематичность его осмысления и артикуляции, что препятствует его последующей интеграции в структуру представления индивида о себе или группе, к которой он принадлежит. Парадокс артикуляции травматического заключается в том, что требование забвения становится своего рода констатацией памяти: отсутствие проговаривания (в социальном смысле: вытеснение травмирующего события на периферию индивидуального и коллективного внимания) не позволяет устранить негативное влияние «травматического» факта прошлого, что приводит к образованию своего рода «лакуны памяти», буквально передающейся из поколения в поколение. Условием для «пробуждения памяти» в данном случае может быть институционализация перехода от травмирующей среды к безопасной и создание условий для артикуляции травматических переживаний как в правовом, так и в культурном поле.

С позиции культурсоциологического подхода, преодоление травмы сопряжено с формированием ее устойчивой репрезентации, включающей в себя четыре базовых элемента: определение характера события, произошедшего

с отдельной группой и более крупным сообществом, частью которого она является, определение природы жертвы (пострадавшей группы и ее специфических признаков), означение виновных и установление связи жертвы с более широкой аудиторией, т. е. перевод травматических переживаний в адаптивные образы, обеспечивающие символическое единство аудитории-носителя травмы и более широкой периферийной аудитории [1].

Обозначив основные особенности коллективной исторической травмы, предпримем попытку проанализировать работу с памятью о жертвах политических репрессий, реализуемой в 1990е гг. в условиях применения механизмов «отмены» к памяти о советском прошлом.

Обращение к травме жертв политических репрессий в 90е гг. во многом было осложнено ее трансгенерационным характером (пиком политических репрессий считается 1937 г.). В этом случае артикуляция травматического начала осложняется тем, что с течением времени разрыв между собственно травмой и культурой становится все глубже, и носители травмы испытывают затруднения в поиске категорий для описания своего переживания. «Отмена» целого пласта советской истории, продлившаяся вплоть до внедрения в официальный нарратив идеи «продолжающейся истории», выступала существенным фактором затруднения артикуляции травматических переживаний.

Весьма примечателен в этом смысле и описанный У. Сантнером феномен «нарративного фетишизма»: травматический нарратив утрачивает свое первоначальное предназначение и приобретает самостоятельную смысловую нагрузку и социальную значимость, травматический опыт подменяется «набором речевых артефактов» [24. С. 392], а сама травма становится политическим инструментом, функциональным образом. Достаточно вспомнить лозунг предвыборной кампании Б.Н. Ельцина «Голосуй, или проиграешь», сопровождавший контрастным изображением вскинутых рук, с одной стороны, и наручников, символизирующих политические репрессии, с другой стороны.

Рефлексия травматического прошлого может осуществляться на нескольких институциональных аренах: эстетической, религиозной, научной, правовой, сфере средств массовой информации и государственной бюрократии. В то время как в правовом поле работа по реабилитации жертв политических репрессий была достаточно успешна (так, закон о «О реабилитации репрессированных народов» 1991 г. признавал жертвами политических репрессий признаются лица, «подвергнутых таковым на территории Российской Федерации с 25 октября (7 ноября) 1917 г.» – т.е. с первого дня установления советской власти, «в отношении которых по признакам национальной или иной принадлежности проводилась на государственном уровне политика клеветы и геноцида»); в период с 1994 г. по 1996 г. категориальный перечень носителей травмы на законодательном уровне был расширен и конкретизирован: объектами политического террора признавались жертвы событий в Кронштадте в 1921 г., жертвы крестьянских восстаний 1918–1922 гг., военнопленные, священнослужители и верующие, жертвы тоталитарных репрессий в Катыни и Медном, лица, пострадавшие в результате

подавления волнений в Новочеркасске в 1962 г.), иные сферы, с учетом табуирования памяти о советском прошлом, были не столь эффективны. Так, внутри РПЦ существовали две различные зрения по вопросу увековечения памяти жертв политических репрессий: радикальная и компромиссная. Радикальный подход предполагал необходимость канонизации всех жертв. Компромиссный подход же строился на недопустимости «политизации памяти о жертвах» РПЦ [30. С. 60–62]. Помимо существовавших разногласий РПЦ не могла представить всеобъемлющего нарратива травматизации для российского общества по причине его многоконфессиональности.

До принятия в 2015 г. «Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий», создавшей «дорожную карту» карту сотрудничества государства и общественных организации для нивелирования упрочившейся системы поляризации убеждений, в которой государство воспринималось как источник «героических нарративов», а общественные организации, напротив, как апологеты «жертвенной памяти», историческая политика в политических репрессиях как элемента советского прошлого не имела ни единого оформленного вектора развития, ни системного языка описания трагических событий. Концепция закрепила необходимость «осознания трагического опыта», а также обозначила массив «травматических тем», включавших себя не только массовые репрессии, как достаточно бессубъектный термин, но и более конкретные исторические травмы: дискриминацию верующих, разрушение крестьянского быта, коллективизация, вынужденная после-революционная эмиграция. Практическая новизна Концепции заключалась в выработанном механизме количественной оценки качественных изменений. Эффективность работы с памятью предлагалось оценивать в количестве мемориальных объектов, количестве публикаций и сообщений в СМИ, численности студентов и сотрудников высших учебных заведений, вовлеченных в научную деятельность.

Анализируя работу с памятью о политических репрессиях в 1990е годы, можно выделить следующие особенности, сформировавшиеся под влиянием культуры отмены.

1. Затруднение артикуляции травматических переживаний. В то время как «пробуждение памяти» (например, выставка проектов мемориала жертвам политических репрессий на «недели совести») [30. С. 60] способствовало заполнению возникших «лаун памяти» через коллективные обсуждения и поиск исторической правды, практики «отмены советского» лишь увеличивали масштаб пробелов, буквально уничтожая контекст, в котором жертвы могли бы высказаться.

2. Инструментализация травмы (политическое капитализирование). Политические элиты использовали память о репрессиях для укрепления своей легитимности с целью дискредитации оппонентов и смещения фокуса внимания с актуальных социально-экономических трудностей, вызванных, в частности, радикальным переходом к рыночной системе и заимствованным практикам

либеральной демократии. Особенно ярко прослеживается инструментализация в попытках создать посттравматический нарратив путем означения в качестве виновных не отдельно взятых исторических деятелей, а советского государства в целом.

3. Селективный характер памяти и проблема бессубъектности. Культура отмены накладывает ограничения на функционирование измерения визуальности: образ носителя травмы фактически может быть вытеснен из публичного пространства [23. С. 6473], в фокусе общественного внимания оказывается гротескный политизированным образом виновного. Практики отмены буквально смещают фокус внимания с жертвы на ответственного, что препятствует построению устойчивого посттравматического нарратива, включающего в себя не только назначение виновного, но и определение природы жертвы и ее связи с более широким периферийным сообществом.

Вместо создания функционального пространства для конструктивной проработки коллективной травмы, практики отмены сформировали дополнительные барьеры, негативно сказавшиеся на преодолении травмы. В целом, процесс реабилитации жертв политических репрессий, безусловно, является инструментом восстановления исторической справедливости и установления равенства. Однако достижения *trauma studies* показывают, что для устранения сформировавшейся асимметрии памяти формальных инструментов (юридических механизмов) отнюдь недостаточно. Преодоление исторической травмы требует глубокой проработки не только исследования «продуктов проговаривания травмы», но и анализа социально-политического контекста, в котором данные сообщения были созданы. Таким образом, практики отмены в отношении советского наследия парадоксальным образом препятствовало преодолению коллективной исторической травме политических репрессий, вызывая новые формы асимметрии памяти.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Александр Дж.** Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3.
2. **Анкерсмит Ф.Р.** Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007.
3. **Аникин Д.А., Батищев Р.Ю.** «Мы вас туда не посылали»: медиарепрезентации войны в Афганистане и практики культуры отмены в постсоветской России // *Galactica Media*. 2024. Т. 6. № 1.
4. **Ассман А.** Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
5. **Беляева Е.В., Линченко А.А.** Этизация истории и фигуры умолчания в современной культуре отмены // Молчание и умолчание в истории / под ред. О.В. Воробьевой. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2023.
6. **Гидденс Э.** Последствия современности. М.: Праксис, 2011.
7. **Головашина О.В.** «Культура отмены»: исключенность и историческая идентичность // *Антиномии*. 2024. Т. 24. № 3.

8. **Дюркгейм Э.** Аномия успеха. М.: АСТ, 2018.
9. **Дериглазова Л.В., Погорельская А.М.** Культура отмены в политике и международных отношениях // Вестник МГИМО-Университета. 2023. № 16 (4).
10. **Инглхарт Р.** Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. Политические исследования. 1991. № 4.
11. **Коктыш К.Е., Ренард-Коктыш А.В.** Когнитивное измерение безопасности // Международные процессы. 2021. № 19 (4).
12. **Копосов Н.П.** Память строгого режима. История и политика России. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
13. **Малинова О.Ю.** Проблема политически пригодного прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. 2013. № 1.
14. **Малинова О.Ю.** (Кто и как формирует официальный исторических нарратив? Анализ российских практик // Полития. 2019. № 3 (95).
15. **Мертон С.К.** Социальная теория и социальная структура. М.: Хранитель, 2006.
16. **Миллер А.И.** Политика памяти в России 1990-х // Tempus et Memoria. 2021. Т. 2. № 3.
17. **Николай Ф.В.** Полемика о травме и памяти в американской философии культуры: автореф. дисс. ... доктора философских наук: 09.00.13. Нижний Новгород, 2018.
18. **Николай Ф.В.** Кризис «идентичности»: культурная память по ту сторону правой ностальгии и либеральной терапии // Неприкосновенный запас. 2021. № 135 (1).
19. **Репина Л.П.** Историческая наука на рубеже XX-XXI вв. М.: Кругъ, 2011.
20. **Репина Л.П.** Историческая память и национальная идентичность. Подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. Вып. 54.
21. **Рустамова Л.Р., Адрианов А.К.** «Культура отмены»: концептуализация понятия и его использование во внешней политике // Полис. Политические исследования. 2023. № 4.
22. **Самсонова Н.Н.** Механизмы преодоления исторической травмы: основные исследовательские подходы // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2021. № 3.
23. **Самсонова Н.Н.** Феномен культуры отмены сквозь призму концепта «историческая травма» // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 12 (100).
24. **Сантнер У.** История по ту сторону принципа наслаждения: размышляя о репрезентации травмы // Травма: пункты: Сборник статей / под. ред. Ушакина С.А. и Трубиной Е.Г. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
25. **Сыров В.Н.** «Культура отмены»: к вопросу о критериях определения и правомерности применения // Антиномии. 2024. Т. 24. № 3.
26. **Тощенко Ж.Т.** Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4.
27. **Хлыщева Е.В.** Культура отмены как инструмент политической элиты // Вопросы элитологии. 2023. № 1.

28. **Штомпка П.** Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1.
29. **Щенина О.Г.** «Культура отмены» в политическом дискурсе: множественность форм и возможность исследования // Вестник Института Социологии. 2023. Т. 14. № 4.
30. **Эппле Н.** Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: Новое литературное обозрение, 2021.
31. **Clarck M.D.** Drag them: A brief etymology of so-called «cancel culture» // Communication and Public. 2020.
32. **Lukianoff G., Haidt. J.** The Coddling of the American Mind: How Good Intentions and Bad Ideas Are Setting Up a Generation for Failure. London: Penguin, 2019.

N.N. SAMSONOVA

Candidate of Political Science, Junior Researcher,
Laboratory of Transdisciplinary Research of Cognition, Language and Social Practices,
Faculty of Philosophy, Tomsk State University; Assistant of the Department of Public
Policy, Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

THE IMPACT OF CANCELLATION PRACTICES ON THE REHABILITATION PROCESS OF VICTIMS OF POLITICAL REPRESSIONS: MEMORY ASYMMETRY⁴

The article examines the impact of cancelling practices the process of rehabilitation of victims of political repression initiated with the beginning of the dismantling of Soviet statehood. Cancel culture is considered to be a mechanism for influencing collective memory through the strategy of abolition. The politicized nature of cancelling of the memory of the Soviet past is noted. The author highlights such features of working with the memory of political repression as difficulties in articulating traumatic experiences, instrumentalization of trauma, selective memory, subjectivity. It is concluded that formal tools are not enough to eliminate the asymmetry of memory. Overcoming historical trauma as a gap between collective experience of a historical event and its consequences, on the one hand, and the constructed representation of this experience in public space, on the other hand, requires in-depth study not only of the «products of pronouncing trauma», but also analysis of the socio-political context in which these messages were created.

Key words: cancel culture, collective memory, historical trauma, historical identity, rehabilitation of victims of political repression, post-traumatic narrative.

⁴ **Acknowledgements:** The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00465 // <https://rscf.ru/en/project/23-18-00465/>.